

В лесу росли самые большие деревья, которые Кино когда-либо видела, а видела она их немало. Стволы были такими толстыми, что пни можно было использовать как двуспальные кровати. Они были похожи на колонны святилища, только разбросанные, без всякого человеческого чувства порядка.

Над ними возвышался зеленый полог. Самые нижние ветви и листья возвышались над землей на добрых двадцать ярдов и скрывали небо. Поскольку солнечный свет слабо проникал сквозь этот полог, трава не могла расти. Земля была черной и влажной, от нее исходил насыщенный, пьянящий аромат, который, по мнению Кино, был приятным, но удручающим.

— Я не очень люблю ездить по лесу. Знаешь, почему?

Кино отошла от ствола дерева, к которому она прислонилась, и вернулась к месту, где припарковала Гермеса.

— Гусеницы?

— Нет... ну, да, но есть еще кое-что... В лесу очень легко потерять чувство направления. Ты можешь думать, что идешь на запад, но вдруг понимаешь, что на самом деле идешь на юг. Ты не видишь солнца.

— У тебя есть компас, Кино.

Она проигнорировала его.

— А лесные духи - деревья и земля - это как благовония в святилище. Ты впадаешь в состояние... молитвы.

— Куку, — сказал Гермес. — Места, куда можно пойти. Люди, которых можно встретить.

Кино улыбнулась и подбородком указала на дорогу.

— Если мы пойдем на север, то выберемся из этих гигантских деревьев и вскоре найдем настоящую дорогу.

То, по чему они шли, значительно расширяло понятие "дорога". Это была колея из твердой земли, усыпанная сосновыми иголками и мертвыми листьями.

— А стоит ли?

Кино достала компас из нагрудного кармана своей черной кожаной куртки и сверилась с ним.

— Ага. На север. Пошли.

По давней привычке она проверила, не забыли ли они что-нибудь на остановке. На всякий случай она также проверила, надежно ли закреплены багаж и пальто, пристегнутые к заднему багажнику Гермеса. Затем она надела перчатки и очки, запрягла Гермеса, и они отправились в путь.

Через несколько минут они остановились, чтобы Кино могла сойти и еще раз проверить ориентацию по компасу.

Еще через несколько минут они повторили этот процесс.

И снова.

И снова.

— Ненавижу, — пожаловалась Кино примерно в пятый раз. Но она продолжала это делать.

Когда она в сотый раз проверила направление, то поняла, что свет становится все ярче. Впереди между стволами деревьев появились вертикальные полосы бледно-золотистого цвета. Они приближались к краю леса.

Они шли медленно, свет становился все ярче, а золотые полосы все шире. К тому времени как они преодолели последние деревья, глаза Кино уже привыкли к свету.

На северном краю леса дороги не было. Перед ними был лишь самый обычный, густой, низкий, заросший кустарник.

— Нет дороги. Мы пошли не туда? — спросил Гермес.

— Нет... Я думаю, это правильно. Смотри, — сказал Кино, указывая на землю.

Из-под зарослей травы выглядывали две тонкие полосы цвета ржавчины.

— Рельсы? Железнодорожные рельсы!

— Точно.

Кино пнула ногой землю вокруг одного из рельсов, обнажив еще немного проржавевшей поверхности.

— Человек, который дал нам эти указания, сказал: "Мотоцикл может проехать. Скоро вы выйдете на чистую дорогу". Должно быть, он имел в виду именно это. Люди, должно быть, используют ее как путь через кустарник.

— Логично. Только бы не было поездов.

— Рельсы проржавели и заросли травой. Поезда здесь не ходили уже очень давно.

Кино покатила Гермеса между рельсами и направила его на запад. Трава ровным слоем лежала вдоль путей, образуя нечто вроде зеленой дорожки через кустарник.

— Ну что ж, — сказал Гермес, — по крайней мере, нам не придется останавливаться каждые пять минут, чтобы свериться с компасом.

Они медленно двинулись вперед, чтобы не наткнуться на рельсы. Когда солнце достигло своего максимума, они встретили человека.

Гермес заметил его первым. Они преодолели длинный пологий поворот, когда мотоциклист сказал:

— Люди, внимание!

Кино, которая отвлеклась от дороги, подняла голову и увидела впереди них фигуру на рельсах. Она резко затормозила, вызвав протестующий возглас своего механического напарника.

Мужчина присел лицом к ним, разглядывая что-то между рельсами. Он поднял на них глаза, и на его лице не отразилось ни удивления, ни беспокойства. Позади него стояла ручная тележка, оснащенная колесами от поезда и нагруженная неузнаваемым грузом.

Кино остановилась прямо перед ним, заглушила двигатель Гермеса и отошла от мотоцикла.

— Здравствуйте, — сказала она, поклонившись.

Мужчина встал. Он был стар и очень невысок. На его лице было множество морщин, которые почти скрывали его серые глаза. Его длинные волосы были почти идеально белыми, а борода явно не подстригалась десятилетиями. Он носил маленькую черную шляпу в форме таблетки. Его рубашка и штаны - такого же черного цвета - были изношены до лохмотьев и местами залатаны.

— Приветствую тебя, путник, — приветливо сказал мужчина.

Кино уже собиралась заговорить дальше, но тут ее взгляд переместился за пределы его мудреной фигуры.

— Ого!

Старик оглянулся через плечо, затем снова повернулся к Кино и Гермесу. Он улыбнулся.

— Да, я все это сделал.

Позади старика рельсы были очищены от травы. Между ними на белом гравии через равные промежутки были уложены толстые шпалы. Сами рельсы блестели, словно их только что доставили из литейного цеха. Солнечный свет превращал их в сверкающее серебро, когда они тянулись вдаль.

— Извините, — сказал их новый знакомый, — но я не могу убрать тележку с рельсов. Боюсь, тебе придется объехать на мотоцикле, путник.

— А? О, да. Без проблем, — ответила Кино.

Старик снова присел, и Кино подошла к нему, поклонившись, чтобы заговорить.

— Простите, но я хотел бы кое о чем вас попросить.

— Ну, если я могу быть чем-то полезен...

— Вы... сами выдергивали траву и полировали рельсы?

— Да. Это моя работа, — честно ответил мужчина.

— Ваша... работа?

— Да. Уже давно этим занимаюсь, — сказал он, выдергивая из земли охапку травы.

Кино посмотрела на тележку, в которой лежали вещи старика и различные садовые инструменты. Она оглянулась на Гермеса и задала вопрос, который занимал их обоих.

— Сколько времени?

— Трудно сказать точно, но я считаю, что лет пятьдесят.

— Пятьдесят лет? — воскликнул Гермес.

— Должно быть, так и есть. Я считал только зимы, видите ли.

— Вы полируете рельсы уже пятьдесят лет, — повторила Кино.

— Ага. Поступил на работу в железнодорожную компанию, когда мне было восемнадцать. Мне сказали, что у них есть несколько рельсовых путей, которые сейчас не используются, но вполне могут быть использованы в будущем, и сказали, что я должен пойти и отполировать их. Никто никогда не говорил мне остановиться, так что я до сих пор работаю.

— Вы никогда не возвращались домой?

— Нет. В то время у меня были жена и ребенок, и я хотел быть уверен, что им хватит еды. Не знаю, что с ними случилось. Хотя я должен был получать зарплату. Так что они должны жить безбедно. Думаю, у меня уже есть внуки. Может быть, даже правнуки.

Эта мысль, похоже, пришлась ему по душе.

Кино и Гермес могли только стоять и смотреть.

— Так куда же ты направляешься, путник? — спросил старик.

Гермес пробирался между двумя яркими рельсами. Они двигались с самого рассвета, останавливаясь лишь для того, чтобы набрать воды в бутылки у небольшого ручья. Рельсы мягко петляли по джунглям, а серая гравийная дорога манила их дальше.

Слава богу, что вчерашний старик уступил нам дорогу, в десятый раз подумал Гермес. Отполированные рельсы сделали их путешествие гораздо более легким, чем накануне.

Если не считать того, что Гермеса вводило в ступор ритмичное вздрагивание шин на рельсах.

Как раз в тот момент, когда Кино начала жаловаться на голод и на то, что скоро придется есть протеиновые батончики, они встретили второго человека. Кино впервые заметила его, когда они выходили из крутого поворота. Она резко затормозила, заставив Гермеса взвизгнуть. Его

возмущенный комментарий был прерван видом телеги, припаркованной у рельсов, и человека рядом с ней, держащего нечто, похожее на пикейный посох.

Мужчина обернулся, удивленный, но не встревоженный. Он прислонил посох к телеге и раскинул руки, жестом показывая, чтобы они остановились.

Кино остановила Гермеса на небольшом расстоянии, заглушила двигатель и сошла на землю. Она вежливо поклонилась.

— Здравствуйте.

— Действительно, здравствуй, путник.

Как и первый, этот человек был стар. Он был чуть выше Кино и очень худой. У него была короткая борода, а лысеющую голову защищала от солнца черная шляпа в форме таблетки. На нем была та же одежда, что и на человеке, которого они видели накануне, и такая же поношенная.

Гермес заметил что-то помимо человека.

— Кино! Рельсы!

Кино наклонилась вбок, чтобы заглянуть за телегу. Рельсов за телегой не было. Только гравий, уходящий в кустарник, насколько хватало глаз.

— Здесь нет рельсов, — прошептала она.

Старик услышал ее.

— Да, я поднимаю их, — сказал он.

— Вы поднимаете их, — повторила Кино.

Мужчина продолжал, как будто она не говорила:

— Боюсь, эта тележка не сходит с рельсов. Вам придется ехать в обход.

Он поднял свой железный посох и двинулся за телегой.

Кино завела двигатель Гермеса и последовала за ним. Когда она перебралась на другую

сторону, то увидела, что старик усердно работает, подставляя загнутый кончик своего посоха под крайний правый рельс. С ворчанием он навалился на него всем весом, и часть рельса освободилась и упала вниз рядом с приподнятой гравийной насыпью. Затем старик перешел к крайнему левому рельсу и повторил операцию.

— Я хотела бы кое-что спросить, — сказала Кино.

Старик повернулся к ней, выражение его лица было дружелюбным.

— Зачем вы убираете рельсы?

— Это моя работа. Я занимаюсь этим уже очень давно..

Гермес тихо сказал:

— У меня плохое предчувствие.

— И давно вы этим занимаетесь? — спросила Кино.

— Должно быть, уже много лет.

— О боже, — пробормотал Гермес.

Кино промолчала.

— Я поступил на работу в железнодорожную компанию, когда мне было шестнадцать лет. Они сказали, что у них есть несколько путей, которые они больше не используют, и я должен пойти и разорвать их. Это была моя первая работа, и я очень хотел сделать ее как следует. Но никто не сказал мне остановиться.

— Вы никогда не ходили домой? — спросил Гермес.

— Нет. У меня там пять младших братьев, и мне нужно было зарабатывать, чтобы их прокормить. Я не могу позволить себе отпуск.

— Понятно, — сказала Кино. А потом небрежно заметила: — У них, конечно, высокий уровень полировки для заброшенных рельсов.

— Всегда так было. Странное дело. Но так их легче рвать.

Кино стояла молча, а Гермес размышлял, стоит ли рассказывать старику о том, как тот полировал заброшенные рельсы впереди него.

— Так куда же вы направляетесь, путник? — проницательно спросил старик.

Гермес и Кино ехали по бледной гравийной дорожке с самого рассвета. Узкая тропа была относительно прямой, и единственной передышкой от неизменного вида (кустарник, кустарник и еще раз кустарник) была случайная груда разорванных рельсов и шпал или небольшой аккуратный штабель шипов.

Мотоцикл уже давно не произносил слова на букву "С" ("Мне скучно, Кино!"). Кино была уверена, что он понимает, что это означает очередной заезд в неприятные заросли подлеска вдоль тропы, что может привести к царапинам на его полированных металлических поверхностях. В кои-то веки она порадовалась тщеславию мотоцикла.

— Так трудно управлять, — жаловалась Кино уже в десятый раз за этот день.

Без подножек шины не могли прочно держаться на гравийной дороге. Переднее колесо отклонялось то в одну, то в другую сторону, и на каждом повороте они едва не теряли равновесие. Кино сбавила скорость до минимума и нервно сжимала руль.

Гермес как раз предложил отдохнуть, когда они встретили третьего человека.

Кино и Гермес увидели его одновременно, стоя посреди гравийной дороги. На этот раз Кино плавно сбавила обороты, так что у Гермеса не было причин для воплей.

Они медленно приблизились. Мужчина сидел на гравии, видимо, отдыхая. Увидев Кино и Гермеса, он приветственно помахал рукой.

Кино остановила Гермеса на небольшом расстоянии от мужчины, заглушил двигатель и облокотилась на подножку мотоцикла.

— Здравствуйте..

— Здравствуй, путник, — сказал мужчина, поднимаясь на ноги.

Он был стар, но крепок. Его торс был обнажен, а руки и плечи покрыты мускулами. Если бы не морщины на лице, его можно было бы принять за трудолюбивого мужчину средних лет. Без шляпы, он был одет в те же черные штаны, что и мужчины предыдущих двух дней. Подолы были потрепаны.

Кино с некоторой тревогой посмотрела мимо старика. Рядом с собой она услышала шепот Гермеса:

— Рельсы.

Позади старика стояла телега, доверху набитая багажом и инструментами. Она стояла на самом краю сверкающих рельсов, уходящих в лес.

Взяв в руки массивный молоток, лежавший на земле рядом с ним, мужчина весело сказал:

— Ага, я это сделал.

— Вы их прокладываете?

Кино поняла, что говорит очевидное.

— Прокладываю. Чтобы поезд мог проехать по ним. Укладываю шпалы, кладу рельсы рядом и вбиваю шипы, чтобы они держались.

— И все это в одиночку?

— Привыкается. Все материалы у меня вот здесь. Видите?— он указал на шипы, рельсы и шпалы, лежавшие рядом с рельсами.

— У меня плохое предчувствие, — пробормотал Гермес.

Кино спросила:

— Это ваша работа?

— Конечно, работа. И всегда была, — усмехнулся старик.

— И как долго?

— Хммм... наверное, уже лет пятьдесят. Не могу вспомнить.

— Пятьдесят, — повторил Гермес.

— Я поступил на работу в железнодорожную компанию, когда мне было пятнадцать лет. Мне сказали, что они могут снова начать использовать старые рельсы, и я должен пойти и починить их. И никогда не говорили мне остановиться.

— Вы ведь не были дома? — спросил Кино.

— Нет. Мои родители заболели, видите ли. Я должен работать и для них. Сейчас они, наверное, уже мертвы, — добавил он, почесывая голову.

Гермес небрежно сказал:

— Что ж, продолжай в том же духе.

— Благодарю вас.

Кино завела двигатель Гермеса.

— Куда вы направляетесь, путник? — спросил старик, улыбаясь.

<http://tl.rulate.ru/book/100394/3536015>